

Кандинский Виктор Хрисанфович

К вопросу о невменяемости

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Хрисанфович К.**
К вопросу о неменяемости / Кандинский Виктор Хрисанфович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 243 с.

ISBN 978-5-519-88033-6

ISBN 978-5-519-88033-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Къ вопросу о формулированіи въ новомъ Уложеніи о Наказаніяхъ статьи объ условіяхъ вмѣненія.

1883.

Предлагаемое вниманію читателей „Особое мнѣніе“, читанное д-ромъ В. Х. Каядинскимъ въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ 18-го февраля 1883 г., не вошло въ свое время въ протоколы Общества частію по своему размѣру, частію, можетъ быть, и по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ; не вошло оно также и въ „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“, несмотря на то, что по мнѣнію д-ра А. Е. Черемшанскаго, бывшаго тогда секретаремъ Общества, „обсужденіе редакціи 36-ой статьи составляло видное событіе въ жизни психіатрическаго и юридическаго обществъ въ С.-Петербургѣ“, такъ что нелишне „занести было свѣдѣніе объ этомъ событіи на страницы „Вѣстника Психіатри“. (А. Е. Черемшанскій. — „Неспособность ко вмѣненію передъ судомъ психіатровъ и юристовъ“. Вѣстн. Псих. Г. первый, вып. I). При нѣсколькомъ запоздаломъ появленіи „Особаго мнѣнія“ въ печати въ настоящее время, необходимо указать по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ оно было написано. Для этого позволяю себѣ привести выдержки изъ Отдѣла критики и библіографіи „Вѣстника судебной медицины“ (Т. IV, отд. V. стр. 1 и сл.), гдѣ это изложено съ достаточною подробностью. А именно, д-ръ Л. Ф. Рагозинъ, разбирая только что упомянутую статью д-ра А. Е. Черемшанскаго, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„Суть всего дѣла, какъ извѣстно, въ томъ, что статья 36-ая проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, касающаяся вопроса о „невмѣняемости при ненормальномъ умственномъ

состояніи подсудимаго, предложена была, по инициативѣ предсѣдателя уголовного отдѣленія Юридическаго Общества, на обсужденіе Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ. Последнее, посветивъ три засѣданія обсужденію редакціи помянутой статьи, большинствомъ голосовъ признало ее неудовлетворительной, такъ какъ юристы желали ввести въ статью закона психологическій критерій умственнаго расстройства, тогда какъ, по мнѣнію, санкціонированному большинствомъ членовъ Общ. Псих., немислимо даже придумать такой критерій, который бы обнималъ собою всевозможные виды ненормальности психической дѣятельности, не говоря уже о томъ, что наука не должна быть стѣсняема какими-бы то ни было рамками. Меньшинство въ психіатрическомъ обществѣ, въ числѣ 4—5 человекъ стояло за необходимость введенія въ статью закона психологическаго критерія, или вообще формулировки того основнаго положенія, въ силу котораго человекъ съ ненормальною психическою дѣятельностью не долженъ подлежать отвѣтственности за дѣйствія такъ или иначе связанные съ этою ненормальностью. Психіатры не рѣшили спора между собою и перенесли его въ засѣданія Юридическаго Общества, гдѣ послѣ двухъ засѣданій, вопросъ, по большинству голосовъ, былъ рѣшенъ въ смыслѣ меньшинства Общ. Псих. — Понятно, что въ теченіи пяти засѣданій было высказано не мало чрезвычайно разнообразныхъ доводовъ pro и contra, общее обозрѣніе которыхъ и разборъ могли-бы, конечно, дать матерьялъ для весьма интересной работы касательно принципиальныхъ основъ судебно-медицинской экспертизы въ дѣлахъ, гдѣ возбужденъ вопросъ о вѣняемости. — Далѣе въ томъ-же разборѣ мы читаемъ: „доводы д-ра Кандинскаго въ защиту психологическаго критерія неспособности ко вѣненію являются въ слѣдующей формѣ: „основываясь главнымъ образомъ“, говоритъ г. Черемшанскій, на томъ, что „если въ законѣ имѣется полное опредѣленіе понятія „невѣняемость“, то указанія на отдѣльныя причины неспособности ко вѣненію становятся излишними, лень Общ. Псих. В. Х. Кандинскій, одинъ изъ защит-

никовъ психологическаго критерія невмѣняемости, предложилъ такую формулировку 36-ой статьи: (Формулировка приведена въ концѣ „Особаго мнѣнія“ стр.). „Прежде всего необходимо пояснить“, говоритъ далѣе д-ръ Рагозинъ, „что д-ръ Кандинскій вовсе не прямо выступилъ съ собственнымъ проектомъ, „основываясь главнымъ образомъ“... и т. д., а сначала ограничился защитой редакціи 36-ой статьи въ томъ видѣ, какъ она изложена въ проектѣ редакціонной комиссіи. Затѣмъ уже, въ подробной объяснительной запискѣ, читанной въ засѣданіи Общ. Псих., д-ръ Кандинскій, послѣ того, какъ имъ былъ выставленъ цѣлый рядъ доводовъ, (часть которыхъ приведена ниже) для показанія необходимости психологическаго критерія невмѣняемости или, по его выраженію, — выставленія въ законѣ общаго опредѣленія понятія о неспособности ко вмѣненію, и заключивъ свой докладъ тѣмъ, что статья 36-ая потеряетъ, по его мнѣнію, опредѣленный смыслъ, если оставить въ ней только краткій перечень отдѣльныхъ причинъ невмѣняемости, включивъ психологическій критерій, представилъ свою формулировку какъ наглядное выраженіе того, что психологическій критерій есть на самомъ дѣлѣ существеннѣйшая часть 36-ой статьи, отъ которой зависитъ весь ея смыслъ и которая собственно можетъ занять собою всю статью, такъ какъ скорѣе можетъ быть опущенъ безъ всякаго ущерба для дѣла перечень отдѣльныхъ причинъ невмѣняемости...“ „Наконецъ“, прибавляетъ д-ръ Рагозинъ, „и въ той части своей статьи, которую г. Черемшанскій начинаетъ общаніемъ „изложить доводы защитниковъ критерія“, онъ не даетъ никакого представленія объ аргументаціи г. Кандинскаго и довольствуется голословными утвержденіями въ родѣ того, что „гдѣ экспертами бываютъ специалисты по психіатріи, взаимное пониманіе между ними, судьями и присяжными обыкновенно устанавливается легко“. Насколько оно дѣйствительно, между прочимъ, устанавливается легко, показала какъ нельзя лучше самая-же исторія обсужденія 36-ой статьи проекта новаго уложенія“.

Изъ вышеприведеннаго не трудно замѣтить, что объяснительная записка д-ра В. Х. Кандинскаго, одного изъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ психологическаго критерія, была имъ написана въ самый разгаръ довольно бурныхъ преній по вопросу объ редакціи 36-ой статьи, чѣмъ и объясняется ея, можетъ-быть, слишкомъ горячій, полемическій тонъ. Теперь, спустя шесть лѣтъ, когда волненіе давно улеглось, но самый вопросъ еще не вполне законченъ, я считаю возможнымъ напечатать „Особое мнѣніе“ сполна, безъ измѣненій, такъ какъ въ немъ въ сжатой формѣ изложены тѣ взгляды В. Х. Кандинскаго на судебно-психіатрическую экспертизу и роль эксперта-психіатра, которые онъ постоянно и неуклонно проводилъ и въ теоріи, и на практикѣ.

Издательница Е. К.

12-го января 1890 г.

Въ Общество Психіатровъ въ С.-Петербургѣ.

Дѣйствительнаго члена этого Общества
врача В. Х. Кандинскаго.

Особое мнѣніе.

Въ прошлое засѣданіе Общества при обсужденіи редакціи 36 ст. проектированнаго Уложенія о наказаніяхъ гражданое большинство присутствовавшихъ членовъ Общества *), путемъ баллотировки обсуждаемаго вопроса, поставило такого рода резолюцію: »не только не нужно, но даже и прямо неудобно устанавливать въ законѣ общій критерій или общее опредѣленіе невмѣняемости. Слѣдуетъ ограничиться лишь указаніемъ, въ самыхъ общихъ и широкихъ предѣлахъ ея отдѣльныхъ причинъ«.

*) Въ засѣданіи 12-го февраля, на поставленный г. Предсѣдателемъ, въ заключеніе преній, вопросъ: »можно ли считать вообще необходимымъ психологическій критерій невмѣняемости въ статьѣ Уложенія, въ которой говорится о ненормальныхъ душевныхъ состояніяхъ, и если онъ необходимъ, то удовлетворяетъ ли научнымъ требованіямъ критерій, даваемый 36-ою статьею?« — изъ 22 присутствовавшихъ членовъ 20 высказалось отрицательно. (Протокъ засѣд. Общ. Псих. въ СПб. 1883 г. стр. 16.) Прям. издат.

Къ этой резолюціи Общества я положительно не могу присоединиться и притомъ по многимъ основаніямъ.

Общія опредѣленія необходимы для выполнѣ отчетливаго пониманія дѣла. Удобство общихъ опредѣленій (разумѣется, если они вѣрно сдѣланы) въ томъ и состоитъ, что, понявъ ихъ, мы понимаемъ въ частности всѣ конкретные случаи, этими опредѣленіями обнимаемые.

Понятія могутъ быть составлены вѣрно и невѣрно. Общія опредѣленія, т. е. словесныя выраженія понятій, независимо отъ вѣрности или невѣрности самихъ понятій, могутъ быть точными и неточными.

Въ вопросѣ о невмѣняемости прежде всего важно опредѣленіе самого понятія »невмѣняемость« или »способность ко вмѣненію«. И, разумѣется, для судебно-медицинской практики будетъ всего лучше, если какъ врачи, такъ и юристы остановятся на одномъ общемъ опредѣленіи понятія о невмѣненіи, на одномъ общемъ критеріи невмѣняемости. Такой общій критерій и долженъ, такъ сказать, составлять общую почву для врачей и юристовъ, почву, на которой могли бы сходиться эксперты и судьи при оцѣнкѣ значенія отдѣльныхъ причинъ, вліявшихъ на душевную дѣятельность въ томъ или другомъ конкретномъ судебномъ случаѣ. Безъ такой общей почвы, какъ я прямо утверждаю, не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ пониманіи между врачами и юристами, а при отсутствіи такого взаимнаго пониманія, врачъ-экспертъ, призванный въ судъ дать свое заключеніе о психическомъ состояніи обвиняемаго, разумѣется, не будетъ имѣть возможности согласовать принципы и взгляды современной психіатріи съ требованіями уголовного закона. Однако, изъ сказаннаго здѣсь въ прошлое засѣданіе какъ будто бы выходитъ, что по мнѣнію большинства членовъ этого Общества, врачъ, высказывающій

въ судѣ принципы современной психіатріи, и не долженъ заботиться о согласованіи этихъ принциповъ съ требованіями уголовного закона, а долженъ исполнѣ предоставить заботу о такомъ согласованіи юристамъ. Къ сожалѣнію юристы наоборотъ думаютъ, что такое согласованіе принадлежитъ къ функціи экспертовъ, а что юристы возлагаютъ на насъ именно такого рода, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ большія надежды, явствуетъ для меня прежде всего изъ напечатаннаго на стр. 108 объясненій къ проекту редакціонной комиссіи. Да, должно быть, и Медицинскій Департаментъ полагаетъ, что согласованіе научныхъ медицинскихъ принциповъ съ требованіями закона есть дѣло врачей, иначе онъ не обязывалъ бы врачей употреблять въ судебно-медицинскихъ актахъ, для опредѣленія ненормальностей умственнаго состоянія изслѣдуемыхъ лицъ, выраженія, усвоенныя закономъ для такихъ случаевъ, — «дабы, какъ говоритъ циркуляръ, не затруднять судебныхъ мѣстъ въ примѣненіи закона». Но чтобы не затруднять судей въ примѣненіи закона, мы, врачи, необходимо должны понимать выраженія закономъ усвоенныя одинаково съ юристами; иначе намъ не трудно впасть и въ прямое противорѣчіе съ этими требованіями. — Если мы не хотимъ заботиться о согласованіи нашихъ психіатрическихъ воззрѣній, высказываемыхъ нами, напр., на судѣ, съ требованіями закона, то мы можемъ быть на судѣ только свидѣтелями, а не экспертами. Свидѣтель сообщаетъ лишь факты, свидѣтель врачъ, значитъ, можетъ (потому что и долженъ) ограничиться медицинскими фактами. Экспертъ же — умозаключаетъ и цѣль его умозаключеній должна привести судью къ правильному примѣненію закона въ данномъ случаѣ. Вотъ почему профессоръ Фойницкій въ своихъ лекціяхъ уголовного судопро-

изводства называетъ экспертовъ «помощниками суда». И такъ, неужели мы не хотимъ нести ту высокую функцію, которая предоставлена намъ Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства?...

Въ прошлый разъ былъ возбужденъ вопросъ: согласимы ли вообще наши научные спеціально-психіатрическіе взгляды съ требованіями уголовного закона, согласимы ли они съ современными принципами уголовного права? — Да отчего же тутъ не будетъ согласимости? Вѣдь мы, психіатры, не вздумаемъ же отрицать всю научную психологію, изъ представителей которой мнѣ достаточно лишь назвать имена Джемса и Джона Миллей, Бэна, Спенсера, Вундта, Горвица, Джорджа Генриха Льюиса. Ученіе о волѣ, разумѣется, не въ смыслѣ спиритуалистическомъ, а въ смыслѣ психологическомъ, прекрасно излагается у фізіологовъ, напр. у Джорджа Льюиса, у Вильгельма Вундта въ его, переведенной мною на русскій языкъ Физіологической Психологіи, излагается также въ такихъ сочиненіяхъ какъ «Le Cerveau» парижскаго невролога Льюиса и въ недавно вышедшемъ анатомо-фізіологическомъ сочиненіи Чарльтона Бастіана «Le Cerveau et la pensée».

Поэтому, сославшись на эти труды, я считаю излишнимъ (да и не имѣю времени) развивать здѣсь психологическое ученіе о волѣ и объ ея, — разумѣется, условной — свободѣ. — Но, можетъ быть юристы вообще, и составители уголовныхъ уложеній въ частности, все еще въ своихъ понятіяхъ о волѣ стоятъ на почвѣ «метафизики»? Ничуть не бывало; кто утверждаетъ это, тотъ не только никогда не бралъ въ руки, напр., хоть курса русскаго уголовного права профессора Таганцева, но и не вслушался въ читавшіяся здѣсь въ прошлое засѣ-